

Р. Б. ТАРКОВСКИЙ

«Зрелище жития человеческого»

«Зрелище»¹ перевел Андрей Андреевич Виниус (1641—1717). Перевод выполнен по возвращении Виниуса из посольства во Францию, Испанию и Англию, куда он был послан с предложением союза против турок, напавших на польскую Украину. Возможно, что тогда же Виниус и приобрел тот иноязычный оригинал «Зрелища», о котором сообщает лишь, что он был немецким.

Поиски оригинала приводят к интереснейшему пражскому изданию П. Сессе — «Theatrum Morum»,² составленному и великолепно гравированному Саделером (G. Sadeleer, 1570—1629) и включавшему 139 стихотворных басен с сентенциями и прозаическими примерами, или «прилогами», как называет их Виниус.

Сюжеты басен традиционны, две трети из них принадлежат Эзопу. Их стихотворный пересказ обобщен, лаконически сжат, и не стихи, а истолкование фабул и особенно прилоги определяют «Theatrum Morum».

При нескольких притчах прилоги почерпнуты из книг Библии. В остальных случаях это свидетельства или сообщения античных и средневековых писателей и анналистов, от V в. до н. э. до половины XVI в. Впрочем, памятники собственно литературного порядка (Марциал, Сенека) или сборники полусторических анекдотов (Валерий Максим, Атеней, Клавдий Элиан, Диоген Лаэртский) используются не часто. Основная же масса примеров соотносит басенные ситуации с фактами социальной и политической истории, черпая их у Геродота, Целия Антипатра, Цицерона, Саллустия Криспа, Диодора Сицилийского, Тита Ливия, Иосифа Флавия, Курция Руфа, Юстина, Плутарха, Светония Транквилла, Диона Кассия; из более поздних — у Свиды, Ксифилина, Зонары и затем Лоренцо Валлы, Николая Халкокондиллы, Иоанна Куспиниана, Лаврентия Сурия, Матфея Радеуса и ряда других, менее известных.

Понятно, что подобное издание не могло быть дидактическим предприятием, хотя отвлеченно дидактическая интерпретация и сопровождала здесь около половины басен. Но и в этих случаях почти весь реестр обличаемых пороков — от мелкого тщеславия до необузданной жестокости —

¹ Полное заглавие: «Зрелище жития человеческого, в нем же изъяснены суть дивныя беседы животных со истинными к тому приличными новостями в научение всякаго чина и сана человеком, нынче новопреведено из немецкаго языка всем в общую пользу трудолюбием А. А. с. В., в царствующем граде в Москве, в лето от воплощения бога слова 1674».

² Theatrum Morum, artliche gesprach der thier mit wahren historien den menschen zur lehr. Prag, 1608 (278 стр., in 4°).

иллюстрируется прежде всего деяниями правителей и монархов — персидских, иудейских, египетских, греческих, римских, византийских, турецких и пр. Более того, предисловие Саделера без обиняков напоминало читателям, что деяния и современных властителей, «пожалуй, так же и даже подчас лучше, могли бы подойти к этим басням, нежели древние историки», и что только «по известным причинам» он брал все-таки древние, предоставляя новые применения находить каждому по его разумению.³

Множество прилогов связано с событиями политической и вооруженной борьбы с Востоком — походами Александра Македонского, римскими завоеваниями в Передней Азии и Северной Африке, крестовыми походами в Палестину, борьбой Византии и балканских государств с турками-османами, вплоть до нашествия турок на центральную Европу при Солимане Великолепном.

Рядом с внешнеполитической тематикой подняты вопросы и внутренней политики: проблемы взаимоотношений монарха и подданных, государственной власти, экономического и политического положения сословий, суда и социальной справедливости и др. В обстановке кануна Тридцатилетней войны нельзя не отметить и антигерманской направленности сборника (басня «Vom Indianischen und Teutschen Han»).

Таким образом, тематика «Театра нравов» близка была Виниусу уже по его государственной службе, а частью привлекала его и прежде, в его компилятивном «Избрании от святых, божественных и царственных книг памяти ради» (1667).⁴ Вместе с тем расхождения «Зрелища» с «Театром» столь значительны, что уверенная атрибуция их русскому переводчику и оценка его работы до обследования истории самого пражского сборника в его источниках⁵ или редакциях и перепечатках (если таковые существовали)⁶ преждевременны.

Возможность использования тут какого-то иного издания допускается не составом текстов (среди 134 басен «Зрелища» нет ни одной, которой не было бы в «Театре»), но совершенно несходным их размещением: в переводе Виниуса редко встретишь две басни рядом, последовательность которых совпадала бы и в издании Саделера. В 49 случаях отличаются также заглавия басен, осложненные в «Зрелище» либо упоминанием других участников фабульного конфликта, либо сюжетными характеристиками персонажей (ср.: «Vom Berr» — «О Медведе и Пчелах», № 107; «Vom Han» — «О Петеле, обретшем камень драгий», № 115, и т. п.). Но попадаются и непонятные превращения: «Vom Fuchs und Raben» — «О Попугае и Лисице» (№ 31); «Vom Raben und Scorpion» — «О Орле и Скорпии» (№ 58).

К неизбежным различиям должна была привести передача стихотворного немецкого текста книжно-славянской прозой; в результате повествовательно-фразовое развертывание фабул в «Зрелище» нередко подобно не переводу, а несколько более пространному, параллельному их пересказу.

³ Theatrum Morum... An den freundlicher Leser.

⁴ См.: Б. Федоров. Беседа русского старца с сыном своим. — Отечественные записки, ч. XVIII, кн. I, СПб., 1824, июнь, стр. 337—345.

⁵ В предисловии к «Театру нравов» сам Саделер уверял, что аналогичного издания, с подобными рисунками либо примерами, никогда прежде в свет не выходило. Однако, по ряду свидетельств, 124 из 140 гравюр «Театра» — зеркальные копии работ М. Герертца (Marcus Gheeraerts) из «De warachtighe fabulen der dieren» (Brugghe, 1567), что предполагает уже и какую-то сюжетную преемственность пражского сборника, обязывая к текстуальному сличению обоих изданий.

⁶ Так, в каталоге Британского музея (British Museum General Catalogue of Printed Books, vol. 210. London, 1963, стр. 898) «Theatrum Morum» помечен (в редакторских скобках) 1609 г., но действительно ли так датируется какая-то часть тиража (или даже переиздание) «Театра» или это ошибка составителей каталога, судить не берусь.

Что же касается стихов, то рифмованные фразы свыше 40 раз встречаются и в «Зрелище», обычно в заключительных ситуациях басен или в нравоведении: «Тогда Юпитер посла к ним начальника Жаравля. и сей еще и суд благ между има творяше, обаче многия от них снадаше» (№ 45); «Юроде, почто беснуеши? Не веси ли, яко... еще не будем работати, учнут нас бити и к тому не кормити?» (№ 88), и др. Понятно, что композиционная приуроченность и сюжетная мобилизованность таких рифм исключают их морфологическое объяснение.

Порой лишь отдаленное сходство обнаруживают и сентенции «Зрелища» и «Театра», не говоря уже, сколь часто разнятся они категоричностью и остротой суждения, и там, где у Саделера гнома, у Виниуса — филиппика.

Конечно, насыщенность беллетризованными историческими сюжетами придавала «Зрелищу» немалую познавательную ценность даже при узко дидактической их интерпретации. Однако на первом плане тут все же идеологические мотивы.

Политическим идеалом представляется правление «тихого» государя, «иже правяше люди своя во блазе, со всякою тихостию и кийждому суд творяше праведный» (№ 11). Это и в интересах монарха, ибо «благое состояние князей и государей состоится во благоденствии подданных их» (№ 3). Но та же идея выдвигается и в более экспансивной форме: «Сице яростию правящим реку, яко не толикую силу имут, яко тии, иже тихостию и рассуждением управляют своя люди» (№ 11).

Многokrатно повторяется тема «малых подданных», которые «могут во время подобно, яко же и великия, помощь государем своим сотворити» (№ 10), так как «во общую пользу и последний угодны быти могут в службу против силы своей» (№ 37). Однако тщетно надеяться на монаршью благодарность: «Аще кто время свое туне изживет во дворех великих и службы служит великия, ожидая себе воздаяния, — таковии состареются, воздаяния же немногия получают» (№ 86). И вообще «близость царская — яко близость огня» (№ 75).

Но приведу хотя бы одну полную басню — «О Пифике и Коте»:

«Некогда Пифик виде при огне каштаны лежащия, зело я възжеле ясти, — взем Кота за лапу и тою оныя каштаны из огня взимаше. Кот же аще и зело вопияше, яко лапу его сожже (не бяше бо железная), глаголаше, чесо ради мучительство такое ему творит? Но обезьяна ругающийся Коту рече: „Что вопиеши? аз бо не слышу“.

Сице немужи и властелие руками подданных своих достизают многие земли и грады от огня лютыя брани» (№ 51).

Эмоциональная взволнованность отличает текст Виниуса, когда предметом его оказывается социальная несправедливость: «Сице бысть в мире: многия люди, иже тяжчайшия работы подемяют, таковии вящший глад терпят, — и рукоделный человек егда хлеб свой во изобилии получитьи может? — А тунеядцы выну во изобилии пребывают. Того ради глаголется: иде же в работе вящшая тяготá, ту глад, оскорбление и большая нагота» (№ 116); «Горе рабам, над ними же мучитель господствует, зане люди своя к тяжкой работе понуждает, еще же и биет» (№ 1); «Сице мнозии человецы обыкоша жити трудами и потом кровавым иных человек, — таковыя самую плоть от костей ближних своих потребляют и снедают» (№ 53), и др.

Но перевод Виниуса далек от оправдания социального бунта и тем более от побуждения к нему (см. басни №№ 28, 45, 122, 125). Отсюда извечная утешающая проповедь социального смирения, на что находятся и подходящие резоны, ибо «човецы в санах великих падению подлежат,

малии же выну стоят» (№ 14), «велиции никогда известны живота своего» (№ 57) и др. (№№ 26, 48, 119). Мотивы народного возмущения и постигающего тиранию возмездия являются не в программных сентенциях, а лишь в прилогах и только как уроки истории (№№ 71, 98, 108, 132). Однако минимальная детализация повествования была тут даже удобнее для сближения с современностью, и рассказ о восстании античных рабов не мог не напоминать о недавней разинщине: «Сице сотвориша раби и поселяне в Скифии оставльшиися, понеже егда господа их брань творяху со женами амазонами и во брани той пребыша семь лет, тогда оныя рабы все имение господ своих себе похитиша и сами себе господами сотвориша, и возвращающихся от брани господей своих изгнаша. И тако оные господие с раби своими многую брань творяще, но выну от рабов побеждени бяху...» (№ 4).

В напряженной обстановке последней трети XVII в., на фоне непрекращающихся народных волнений, войн с Турцией и складывающейся абсолютистской монархии, перевод Винуса неизбежно порождал ассоциации с русскими событиями, и последующая судьба памятника, равно как и количество распространившихся его списков свидетельствуют о самом живом внимании к нему современников.

Предварительное обследование 30 (из 60 отмеченных) рукописей «Зрелища» выявляет существование не менее четырех текстологических групп списков (отличающихся главным образом систематически направленными лексическими заменами и, реже, мелкими интерполяциями),⁷ а также ряда сводных текстов (ГПБ, Q.XVII.7; ГПБ, Q.XVII.153; ГПБ, Софийское собр., № 1495; ГБЛ, собр. Ундольского, № 686).

Но почти не видоизменяя текста самих басен, переписчики «Зрелища» остро реагировали на политические идеи сентенций, а также исторических прилогов, оттеняя одни, видоизменяя другие и решительно устраняя третьи, что создавало многочисленные идеологические расхождения между списками одной и той же повествовательно-речевой редакции. Встречаются (и кстати, независимо друг от друга) попытки выборочного, чисто дидактического употребления перевода, из которого удалялось до половины фабул и все прилоги (Софийское собр., № 1428, затем БАН, 28.6.38).

Особая страница в истории «Зрелища» принадлежит его печатному изданию 1712 г., включавшему 125 басен (из 134 переведенных Винусом) с прилогами и столько же гравированных иллюстраций. Ни одного экземпляра этого издания не уцелело, и, несмотря на значительный тираж (500 экз.), оно уже в XIX в. практически было неизвестно библиофилам. Однако сохранившиеся с него списки и оттиски гравюр дают возможность представить печатное «Зрелище» почти во всех деталях и частностях.⁸ Дошла и рукопись, по которой готовилось издание (ГПБ, собр. Титова, № 4851). А то, что для издания «Зрелища» из ряда уже обращавшихся редакций оказалась выбранной основная редакция самого переводчика, наводит на мысль, не причастен ли как-то к его подготовке и Винус, в то время вновь заседавший по указанию царя за переводы.

Предпринятое едва ли не по желанию самого Петра I, это издание, как

⁷ Первая (возможно, даже предварительная) повествовательно-речевая редакция перевода — типа ГПБ, Q.XV.103; вторая (основная) — типа ГПБ, собр. Михайловского, № 445 (более поздний вариант — ГПБ, Q.XV.42); третья — БАН, 16.6.21 и четвертая — ГПБ, собр. Михайловского, № 120.

⁸ См.: Т. А. Быкова. Затерянное издание «Зрелища жития человеческого». — В кн.: Описание изданий гражданской печати 1708—январь 1725. М.—Л., 1955, стр. 504—514.

показывают архивные материалы, поначалу готовилось в более полном объеме. Однако толкование ряда фабул (к тому же дублируемых одновременным печатанием «Эсоповых притчей»),⁹ а всего более их прилоги явно противостояли государственным и реформаторским устремлениям самодержца, либо даже предосуждающе ассоциировались с обстоятельствами его семейной жизни, и 8 притч (№№ 13, 30, 54, 74, 75, 101, 106 и 108) по необходимости были исключены из набора. Приведу из них хотя бы прилог к басне «О Лисице безхвостой», для которой была изготовлена уже и гравюра:

«Такий Лис бяше воевода Адалгерий, иже за некое преступление ят бысть и к Северию кесарю приведен, иже в поругание власы главы его и браду отрезати повеле и отпустити. Егда же прииде во страну свою, рече всем людем рода своего, яко при дворе кесарском обычай новый бысть — всем власы и браду остригати. И тако всех прельсти, ибо вси такожде сотвориша» (№ 54).

Что же касается девятой из устранных басен — «О птице Финиксе» (№ 133), «Эсоповыми притчами» не дублируемой и к которой также была заготовлена гравюра, — то и сам сюжет, и его интерпретация тут поневоле представлялись прямым апофеозом начавшихся самосожжений старообрядцев.

Последующая судьба печатного «Зрелища» — появление вскоре многих рукописных (подчас иллюстрированных и даже роскошных) его копий и полная зачитанность самого издания, проникновение его текстов в лубок, а также установление десятков декоративных скульптурных групп и фонтанов на сюжеты и с текстами этого издания в Летнем саду и в Петергофе и, наконец, то, что «Зрелище» немало послужило еще и сумароковской притче, — достаточно свидетельствует, что переводу Винуса выпало стать одним из интереснейших общественно-литературных фактов предпетровского, а затем и Петровского времени, когда, в зависимости от социальной среды и ситуации, прилоги и басни «Зрелища» находили актуальное и даже неожиданное применение и часто весьма различное социальное истолкование и проекцию.

⁹ См.: «Эсоповы притчи. Повелением царского величества напечатаны в Москве лета господня 1712, в марте» (№№ 4, 9, 15, 18, 21, 27, 29, 38).